Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ

СОВЕТСКАЯ КЛАССИКА

Советская классика — это словосочетание применительно к творчеству Арама Ильича Хачатуряна, думается, вполне уместно, ибо оно оказывается едва ли не самым кратким и в то же время концентрированным-насыщенным определением масштаба его дарования и места, занимаемого им в мировой культуре.

В советской музыке, вот уже более полувека лидирующей в реалистическом музыкальном искусстве современности, имя Арама Хачатуряна давно стоит рядом с теперь уже становящимися легендарными именами Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича. Как и они, он вписал золотые страницы в историю мирового симфонизма.

Точнее говоря, входящих не в сокровищницу, а в основной репертуарный фонд. Первое понятие предполагает бережное, с музейным оттенком, сохранение чего-либо. Второе — свидетельство реальной полнокровной жизни художественного произведения.

Убедить читателя, что применительно ко множеству сочинений Арама Хачатуряна это относится в самом полном и

точном смысле слова, разумеется, нет необходимости. Каждый любящий музыку знает наизусть десятки его мелодий, каждый наслаждался их красотой, их буйной, «рубенсовской» роскошью сотни и сотни раз. Я хочу лишь рассказать коротко об одном концерте из его произведений, состоявшемся 15 февраля в Большом зале консерватории, который, по общему мнению, явился событийным в текущем предъюбилейном сезоне.

Событийным потому, что дирижировал им сам автор, и дирижировал с редким вдохновением. Арам Ильич давно уже дирижирует своими сочинениями. Дирижирует во многих странах мира и неизменно с огромным успехом. Всего лишь несколько дней назад он, в частности, вернулся из подлинно триумфальной поездки по Англии. Но в этот вечер, встретившись с горячо любимым им коллективом выдающихся мастеров — Государственным академическим симфоническим оркестром Союза ССР, он, что называется, превзошел самого себя. Взаимопонимание дирижера и оркестра было абсолютным. Казалось, музыка рожда-

лась буквально на наших глазах.

И поскольку музыка эта была знакома всем уже несколько десятилетий, впечатление оказывалось особенно ярким. Совершалось удивительное переклечение сознания в прошлое (когда рождались данные партитуры), и прошлое это сливалось с настоящим (когда музыка, уже давно ставшая классической, теперь как бы являлась нам заново).

Сказанное в полной мере относится и к гигантской «четырехактной» трагедийной и вместе с тем оптимистически-жизнеутверждающей фреске Второй симфонии (стоящей в звучащей летописи Великой Отечественной войны рядом с Седьмой симфонией Шостаковича, с Пятой — Прокофьева и со Второй — Хренникова), и к «ренессансно- безбрежному» по размаху чувств и страстей Первому концерту для фортепиано с оркестром. Сольную партию в нем исполнял Николай Петров. Исполнял виртуозно-мастерски и очень интересно, но несколько необычно, смещая танцевальные образы в сферу буйной «токатной моторики» и насыщая песенно-

кантиленные эпизоды почти самодовлеющей звуковой колористикой. «Диалоги» солиста с оркестром при этом оказывались чрезвычайно любопытными. Властная воля и неукротимый темперамент автора-дирижера цементировали все в единый стремительный поток музыкальных образов.

Завершали программу фрагменты из балета «Гаянэ». Продолжаясь в бисах, они дополнялись музыкой из «Спартака», расширив «хронометраж» второго отделения почти вдвое. Арам Хачатурян («выжал», кажется, из Госоркестра максимум возможного. Все фрагменты обеих изумительных партитур были столь насыщены напряжением развития мысли, что воспринимались как самостоятельные симфонические поэмы.

Редкое по яркости и силе художественное впечатление оставил этот концерт. Жаль, что каждый подобный взлет вдохновения бывает неповторим. Впрочем, программа фиксировалась радио и телевидением и тем самым будет сохранена для всех нас...

Ин. ПОПОВ.